

ОЛЬРИКА ХАН

ПОКА МАЙДАН НЕ
РАЗЛУЧИТ НАС

Ольрика Хан

Пока Майдан не разлучит нас

Публикуется с любезного разрешения Правообладателя
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11034709
ISBN 978-5-85689-089-0

Аннотация

Кристина – докторант университета Колорадо. Её карьера в незнакомой и чужой стране понемногу складывается, чего нельзя сказать о её муже Лёшке. Профессия видеокomпозитора в Колорадо никому не нужна, а потому ему приходится довольствоваться работой снегодува на горнолыжном курорте в Скалистых Горах.

У Лешки есть мечта – Голливуд. Но для того, чтобы туда попасть, нужно вложить немало сил и денег, которых вечно не хватает. А тут ещё травма ноги Кристины вынуждает её обратиться в больницу, где всего за несколько дней прожорливая американская медицина «съедает» последние сбережения, привезённые молодыми людьми с родной Украины. Ситуация отчаянная. Горнолыжный сезон заканчивается, и Лёшке грозит безработица. Надежда только на то, что сбудется волшебный сон Кристины, и чудо произойдёт. Так оно и случается. Звонок из Голливуда, приглашение на собеседование, решение ехать. Это будет долгая дорога к мечте: через горы Колорадо и пустыни Невады, туманы Пенсильвании и

дюны Атлантического океана. Дорога-испытание любви. Дорога, которой суждено будет оборваться 2 мая 2014 года, в день, когда над Одессой выгорят звезды.

Содержание

Глава 1. Сон	6
Глава 2. Молитва	18
Глава 3. Невадское ралли	28
Глава 4. Огни Вегаса	37
Глава 5. Бог ЛА	55
Глава 6. Золотая рыбка	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ольрика Хан Пока Майдан не разлучит нас

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1. Сон

5 апреля 2013 года я сказала Лешке: «Мы едем в Лос-Анджелес. Завтра». Говорить твердо мне было легко. Накануне я видела сон. Я бродила по темному лесу и не могла найти выход. А когда, наконец, нашла, то увидела озеро. В нем отражались звезды. Такие большие, каких я никогда не видела в жизни. И из этих большущих звезд складывались фигуры двух лебедей. Они прижимались друг к другу, переплетаясь шеями. Проснувшись, я знала: теперь все должно получиться. Время пошло. А на следующий день Лешке позвонили.

– Здравствуйте, видели ваши работы. Сколько хотите в час?

– Пятнадцать.

– Пятнадцать??? – На том конце провода кашлянули. – Простите, не могли бы вы повторить?

Кажется, там, в Калифорнии, не верили в то, что человек, умеющий работать, мог попросить так мало. На это и был расчет. Иначе нам ничего не светило. С непрофильным образованием, практически самоучка, Лешка не мог конкурировать с местной пацанвой, у которой к четвертому курсу университета за плечами по три лета практических стажировок. Его резюме блистало безукоризненной пустотой, поражающей воображение обитателей прерий. А ведь ему было уже за тридцать – возраст, когда, по понятиям расчетливых

американцев, давно пора подумать о следующем карьерном скачке.

Единственный Лешкин козырь – готовность работать за нули. Но козырь ли? Готовность трудиться за пятнадцать долларов в час не говорит об уверенности в себе. Неуверенный в себе профессионал? Невозможно. Наверное, так думали рекрутчики, читавшие резюме. Отбрасывали в сторону и не звонили. Не звонили с июля по апрель. Сотни отправленных приложений на объявленные вакансии, тысячи просмотров объявлений онлайн. Ничего. Ни одного звонка. Ни даже кашля в трубку.

К апрелю мы стали терять надежду. На горнолыжном курорте заканчивался сезон, и Лешке грозила безработица. Мы не американцы – пособия ждать не приходилось. На тот момент Лешка уже работал оператором подъемника за семь с половиной долларов в час. После вычета налогов это было ничто – в день только на еду невозможно тратить меньше десяти долларов на человека. Это нижний предел. А еще страховка, жилье, одежда. Выручала моя стипендия и деньги, привезенные из Украины. Но они стремительно таяли, и новых вливаний ждать было неоткуда.

До работы на подъемнике практически весь сезон – с октября по март – Лешка отпахал сноумейкером, то есть «делателем снега». Адский труд за девять пятьдесят в час.

Вообще-то я не думала, что он выдержит. Типичный geek – так здесь называют шизиков, потерянных в компьютерных

лабиринтах, – он был не очень приучен к физическому труду. Взяли на работу, потому что похвастался – когда-то был альпинистом.

Работать приходилось по двенадцать часов то ночью, то днем. Сутки работаешь – сутки отдыхаешь. При минус двадцати-тридцати – нормальная температура для Колорадских гор зимой – и сшибающем с ног ветре, работали на износ. Задача проста: обеспечить лыжников и сноубордистов снегом. Нет снега – нет любителей снежных развлечений. Уйдут на другие курорты. Прощай, прибыль, прощай, буржуазное счастье. Страх его лишиться заставлял хозяина курорта лично контролировать ход работ. По ночам он, конечно, спал, но утром материализовывался снова. И даже, бывало, топал ногами – как в старых советских мультиках о толстых буржуях с сигарами в хищных пастях. Только этот был мало похож на капиталиста из «старых» – подтянутый, спортивный и, конечно же, без вредных для здоровья причуд.

Работа сноумейкеров – как работа двух альпинистов в связке. Только связаны они не веревкой, а шлангом. Пока один возится со снегопушкой, второй контролирует давление воздуха и воды. Если шланг вырывает из рук, задача напарника – немедленно отключить систему. Промедление смерти подобно. Под сильным давлением шланг, как раненая змея, движется хаотично и с бешеной скоростью, круша все на своем пути окованной металлом «головой». Уже по окончании сезона, когда испытание горой было позади,

Лешка признался, что однажды шланг все-таки пролетел в миллиметре от его лица. Я пришла в ужас.

Впрочем, в ужас я пришла уже после первой ночи его работы. Не находя себе места, я еле дождалась появления Лешки на пороге нашего апартаментов. Радостно бросилась ему на шею, но тут же отступила, не узнав. Передо мной стоял белый холодный человек, не умеющий улыбаться. Мне казалось, за ту первую ночь он похудел килограмм на десять.

– Леша, что с тобой? Леша?

Я заглядывала ему в глаза, прыгая вокруг, как собачонка, а он не находил в себе сил даже для того, чтобы меня приласкать... Я плакала и кричала:

– К чертовой матери! Не поедешь больше туда!

А потом плакала молча, глядя на Лешкино скрюченное во сне тело, закутанное в одеяло с ног до головы, – как будто он все никак не мог согреться. Я была уверена в том, что он не сможет пойти на гору еще раз. Кто бы его осудил? Но он смог. Наверное, потому что верил: пройдет это – пройдет и дальше. Через горы Колорадо и пустыни Невады. До самого океана. В Голливуд.

* * *

Лешка – мое все. Или почти все. Есть еще дядя Павлуша, его родня и моя любимая подруга Женька. Родителей я потеряла в детстве. Мой папа был португальцем с приме-

сю африканской крови – потомок европейских колонизаторов Мозамбика. Мама – русской. Познакомились в мамином родном Харькове – оба учились в медицинском. Они очень любили друг друга – так мне рассказывала бабушка. Когда в Мозамбике произошла революция, мама поехала туда вслед за папой – строить счастливое социалистическое будущее далекой южноафриканской страны. Там родилась я. А потом началась гражданская война, и меня чудом успели переправить к бабушке – маминой маме – в Харьков, столицу Слобожанской Украины. Там я росла и привыкала к мысли о том, что, кроме бабули, меня никого нет. А еще к тому, что я не такая, как другие дети.

– Бабушка, а почему я негритоска? – спрашивала я, расчесывая перед зеркалом копну своих неподдающихся гребню кучерявых волос.

– Негритоска? Кто это тебе сказал? – бабушка всматривается в мое лицо, пытаясь рассмотреть обиду.

Но я не обижена. Я просто не понимаю.

– Дети в садике говорят. Говорят, что я негритоска. Потому что моя кожа темнее, чем у других. Но Рома считает, что это очень красиво...

Успокоившись, бабуля смеется:

– Ты красавица, Крестя. У тебя лучистые глаза, красивая смуглая кожа и красивые каштановые волосы. Ты просто немного не такая, как все. Твоя кожа чуть-чуть темнее. Разве это плохо? Наоборот – очень красиво! Просто многие

боятся других, не похожих на них людей. Не сердись на них, дорогая. Не их вина в том, что они видят мир в одном цвете. Но дружить старайся с другими людьми – с теми, кто любит разноцветность и кто способен ее оценить. Тогда ты будешь счастлива.

Я очень любила бабушку – за то, что она любила меня, а еще за то, что она была такой мудрой. Как старая черепаха Тортила, о которой я любила смотреть кино. Я так хотела, чтобы бабушка была рядом со мной вечно! Но в жизни так не бывает. Она оставила меня совсем одну, когда мне исполнилось десять. Перед смертью бабушка попросила дядю Павлушу – дальнего родственника моего покойного дедушки – за мной присмотреть. Так десятилетней девчонкой я оказалась в селе под Харьковом, на самой границе с Россией. Там моя деревенская родня учила меня заново приспосабливаться к жизни – такой, какой они ее знали и понимали. Придя домой со школы, я помогала доить коров, готовила корм свиньям, кормила гусей и кур. А потом до глубокой ночи готовила уроки и читала библиотечные книги под светом карманного фонаря.

В селе меня никто не обижал, наоборот, жалели. Жалели, что сирота, что «мавра», и что «малеха не в себе». Помню, как дивились моей нелюдимости сельские старухи и как страдала я от своего неискоренимого статуса иноземца. Спрятавшись в сарае или убежав в поля, мечтала о том, что когда-нибудь у меня наступит другая реальность, не за-

точенная в границы хуторских представлений о нормах – и жизни, и цвета кожи. И она наступила. Это было мое первое жизненное чудо. В день шестнадцатилетия дядя Павлуша торжественно сообщил, что бабушка завещала мне свою харьковскую квартиру и что, раз у меня теперь есть паспорт, я могу выбирать, где дальше жить.

От радости я онемела. Своя квартира!! Целых пять комнат! И – главное – библиотека! Огромная профессорская библиотека моего покойного дедушки, с которой я теперь могу жить и учиться. Бросаюсь к дяде Павлуше на шею, не в силах высказать своих чувств...

Пару раз в месяц дядя Павлуша или его сыновья завозят мне продукты: картошку, сало, яйца, крупы. Дают и деньги – мне хватает на все. И на себя, и на Женьку – единственную подругу моего одинокого детства. Женька – соседка по лестничной площадке нашего исторического дома: и ее, и мой дед были из советской научной элиты. Спасаясь от своих вечно воюющих родителей, Женька практически у меня живет. Жуя яблоки с дяди Павлушиного сада, мы вместе читаем книги, а потом давимся смехом, швыряя огрызками с профессорского балкона в проходящих мимо очкариков-студентов. А перед очередной школьной вечеринкой рассматриваем в зеркале свои мордахи, пытаюсь избавиться от «изъянов». Я – от непослушных завитушек, закрывающих лоб, Женька – от подростковых прыщей. «Одним все, другим ничего», – горько причитает она, завистливо переводя

взгляд с моей ровной матовой кожи на свои розовые девичьи угри. Ей хочется быть такой же смуглой, как я. Мне хочется иметь такие же ровные волосы, как у Женьки. Прислушиваясь к нашей доброй обоюдной зависти, теперь я точно верю в то, о чем когда-то мне рассказывала бабуля: разноцветность прекрасна. Главное, чтобы было кому ее оценить.

Женька всегда рядом: и в школе, и в университете, и в редакции местных новостей, куда мы вместе пришли делать телевизионную карьеру. Разлучили нас с Женькой Штаты. Интервьюируя как-то важных американцев, я узнала о том, что для учебы в магистратуре США можно получить стипендию, пройдя конкурс. Уговаривала на эту авантюру и Женьку, но ей не хотелось на родину Натаниэля Форреста. «Уж если куда-то ехать, то в Москву», – заявила она безапелляционным тоном потомственного славянофила, и я отправилась в свой большой жизненный путь без любимой подруги. Вернувшись через два года с дипломом магистра, объявила: «Даешь Киев, Жень! Не для того я училась, чтобы снова жить в захолустье». «В захолустье?? – возмутилось мое второе белокудрое «я». – Харьков, конечно, провинциальнее, чем Москва, но уж куда как столичнее, чем мещанский Киев!» На самом деле я не считала Харьков захолустьем. Я любила этот город – за его ироничный интеллектуальный дух и дружелюбный приграничный характер. Но мне же уже тридцать! Позади чуть ли не целая жизнь. Пора двигаться. Пора шевелиться. Вперед, Кристина, вперед! Так я пришпоривала

себя, собирая чемоданы в Киев.

В дурной гонке за успехом в столичном PR-агентстве проходит пятилетка. Лешку я встречаю в самом финале – на последнем рекламно-телевизионном проекте перед отбытием за океан. Подтверждение того, что мне дают финансирование из университета, уже пришло. Осталось получить визу, продать машину, оформить доверенность на управление киевской квартирой на Женьку – и в путь. Три месяца, и я в Штатах.

Но у ангелов свои планы и свое видение моих идей. Устроив протест организма против напряжения трех сверхурочных недель, они швыряют меня в обморок прямо Лешке в руки во время генеральной сдачи телевизионно-рекламного действия. К тому времени, как мне кажется, у нас с Лешкой, видеокмпозитором местной телевизионной компании, определенно вырисовывается роман. Но мы живем только проектом, и наши нежные отношения ограничиваются ланчами, бесконечными кофепитиями и прочими атрибутами совместной офисной жизни.

Проходя мимо телевизионной аппаратной, я всегда останавливаю взгляд на Лешкиных руках и люблюсь ими – они так уверенно руководят сложным технологическим процессом! Я восхищаюсь его профессионализмом, непоколебимым спокойствием, умением разруливать студийные конфликты с легкой и едва-едва насмешливой улыбкой на лице. «Леша незаменим на проекте», – делюсь я как-то с симпа-

тичной девушкой Боженой в курилке, где мы усердно втягиваем в себя сигаретный дым. «На проекте? – удивляется Божена. – Думаю, он хорош не только в телевизионных реконструкциях!» Она хихикает и, полностью погрузившись в сигаретную дымку, с сожалением добавляет: «Жаль, что такой неприступный. Многие уж пытались. Результат – ноль». Божена передергивает плечами, как будто недоумевая: «И чего только этим мужчинам от жизни надо?»

Смотрю на Лешку новым взглядом. Многие пытались? Неприступен? Интересно, я ему действительно нравлюсь, или наши бесконечные кофепития – ничего не значащий офисный ритуал?

Бросая мое бездыханное тело в Лешкины крепкие руки, ангелы по-дружески помогают нам обоим экстренно рассмотреть этот жизненно важный вопрос. Придя в себя, вижу ответ в Лешкиных близоруких глазах, которые совсем рядом. Ответ очевиден, и он пугает меня. Мне – отшельнику и дикарке – трудно поверить в искренность чьих-то чувств. Еще труднее поверить в себя. Делить жизнь с кем-то? Наверное, я не сумею.

До моего отъезда в Штаты восемьдесят восемь вечеров. Каждый из них Лешка рядом. Ошарашенно пытаюсь понять: что это? Почему мне так тепло и томно, когда он со мной? Почему так холодно и пусто, когда нет близости его тела? Как жить дальше? Как уезжать в Америку без него? Мне это только кажется, или на самом деле – когда я говорю о своем

скором отъезде, стекла его очков покрываются росой?

До отъезда семьдесят вечеров. «Ты хочешь ко мне приехать, Леш?» – «Конечно». – «А ты сможешь?» – «Наверное». – «А если не дадут визу?» – «Посмотрим...» Черт, в этом весь Лешка. Чего смотреть?

Шестьдесят вечеров. Дорога в загс. Заявление о регистрации брака. «Подтверждаем взаимное добровольное согласие...» Подтверждаем... Свидетели? Свидетелей нет. Наш брак – наша тайна. Наш золотой ключик к потайной двери. Если получится. Если мы не струсим. Если захотим.

Две недели до отъезда. Регистрация брака. «Вы согласны взять в жены Кристину?» «Да, конечно!» Работница загса улыбается. «Конечно – это лишнее», – наверное, думает она. Но мне Лешкино «конечно» лишним не кажется. Оно будет согревать меня три года – до того, как мы окончательно решим, что не можем жить друг без друга. Три года совместной жизни в скайпе. Три года урывчатых встреч на конференциях в Европе. Три года моих сомнений, метаний, неуверенности в том, что умею любить, что смогу не разочаровать нас обоих. Три года, по истечении которых, обхватывая родное тело в Денверском аэропорту, я знаю точно – наша любовь навечно.

Хорошо, что были эти три года. Хорошо, что нужно было терпеть и ждать. Хорошо, что было время поверить. Хорошо. Теперь нет никаких сомнений. «В горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть

не разлучит нас».

Глава 2. Молитва

Вообще-то, оглядываясь на нашу жизнь в Колорадо, хочется себя одернуть: на самом деле все было не так плохо. Работа на горнолыжном курорте не приносила денег, но зато давала возможность спускаться с гор. Лешке пропуск на подъемник полагался бесплатный, мне с огромной студенческой скидкой. Когда мои свободные дни совпадали с его выходными, мы наслаждались горным раем. Почти как те буржуи, что сновали мимо нас в красивых разноцветных курточках и умопомрачительных шлемах.

У нас таких нарядов не было. И я, и Лешка катались в старых куртках, привезенных из Украины. У Лешки были черные горнолыжные штаны, сшитые когда-то его мамой. Были даже ботинки и лыжи – тоже из той, доамериканской, жизни. У меня не было ничего – ни штанов, ни ботинок, ни лыж, ни даже умения всем этим добром пользоваться.

Взвесив плюсы и минусы ситуации – все равно ничего не умею – решила: буду сноубордистом. В местном стоковом магазине были приобретены штаны, ботинки, шлем и сноуборд – все вместе долларов за двести. Огромные для нас деньги, но философия была проста: жизнь одна, и ею нужно наслаждаться.

Наслаждаться жизнью на горе в свободное от работы время было нетрудно. Катались мы обычно в рабочие дни, так

что людей было немного. Сорок минут автобусом по невероятно красивой горной дороге, и мы наверху. Скрипящий подъемник, слепящее солнце, кусающий щеки мороз и тишина. Абсолютная горная тишина. Жмурюсь. Вот оно – счастье.

Хотя счастье подъемника далось мне не сразу. Сначала был госпиталь, которому предшествовал бугель. Я цеплялась в него своими негорнолыжными варежками, и он честно пытался тащить мое тело в горную высь. Тело сопротивлялось. Сейчас даже теоретически мне трудно понять, как я всякий раз я оказывалась упавшей. Мне было стыдно: вокруг разноцветная шпана выделяет горнолыжные выкрутасы, а на их пути, мешая спускаться, ползаю я.

Задача отползти от бугеля и, не отстегивая сноуборда, снова стать на ноги, была неподъемной. Толстый червяк с пристегнутыми к доске ногами – такой я виделась себя глазами колорадских подростков, со свистом пролетающих мимо меня. Было обидно. Хотелось быть изящной, изворотливой и, как они, легко двигая попой, красиво выкручивать повороты вниз. А вместо этого я, всхлипывая, ползала по снегу, ожидая, пока на своих чудо-лыжах подоспеет Лешка и поможет мне снова обрести человеческий облик.

Лешка всегда был нарочито дружелюбен. Как Чип и Дейл, он спешил на помощь, устанавливая со мной связь с помощью рации.

– Медведь вызывает Белку! Медведь вызывает Белку!

Это наш позывной. Лежа в очередном сугробе с выкрученными набекрень ногами, я, задыхаясь от злости, пытаюсь вытащить из кармана застрявший там аппарат. С трудом нащупав нужную кнопку, хриплю:

– Белка слушает! Белка в сугробе!

Теряя надежду, отбрасываю аппарат и тут же вижу: откуда-то сверху красивыми зигзагами несется Медведь с радостной готовностью вытащить меня из любого катаклизма.

Злило меня Лешкино унижительное дружелюбие невероятно. Хотелось стукнуть его сноубордом, чтобы он свалился в сугроб и тоже пополз. Но стукнуть я не могла. Для этого нужно было обрести равновесие, а как раз это мне и было не под силу. Поэтому я кричала. Безжалостно я бросала ему в лицо все: свой лишний вес, свою неповоротливость, свое упрямство и тупость. Все лепилось в снежный ком и летело в голову этому негодяю, умеющему – вжик-вжик – выписывать лыжные пируэты. Негодяй покорно соглашался – да, конечно, во всем был виноват он...

И вот однажды я решила ему доказать. Уселась на подъемник покруче, поднялась повыше, не свалилась – о чудо! – при высадке на вершине и, воодушевленная достигнутым, бесстрашно рванула вниз – вслед за стайкой несущихся к подножию горы сноубордистов.

Те несколько секунд, что я мчалась за ними, были прекрасны. Деревья, подростки и их разноцветные шапочки проносились мимо, как на ускоренной прокрутке голливуд-

ского кино... Потом я взлетела. До сих пор вижу этот полет: облака, солнце, застывшие лица... Все как в том же кино, темп которого вдруг стал вялым-вялым... А потом треск. Это, кажется, лопнула моя голова, разлетевшись от удара о заснеженную землю. Но нет. Голову спасает шлем. Ногам везет меньше. Пристегнутые к доске, они изворачиваются, и в одной из них от ужаса застывает кровь. Образовывается то, что называется тромбом. Засел он у меня под коленкой, и я не сразу поняла, что же там так болит.

Прошло несколько дней, прежде чем я попала в больницу. Ходить к тому времени я уже не могла, а правая моя конечность размерами напоминала слоновью. Она горела и была бурого цвета. К врачам я идти панически боялась. Страховка-то у меня была, но... Блажен кто верует, будто она оплачивает все. Нет. Даже при самом лучшем коллективном «пакете» несчастный больной сначала платит deductible (нестрахуемый минимум) и out of pocket (деньги из собственного кармана). Только после этого (да и то если пациент будет достаточно умным и не обратится случайно к врачу, которого нет в его страховой сети) страховка оплатит остальное. И вот за эту обманчивую уверенность в завтрашнем дне, как студент, я каждый месяц плачу двести тридцать – просто за то, что страховка у меня как бы имеется.

В моем случае нестрахуемый минимум равнялся двумстам пятидесяти долларам, а из собственного кармана я должна была выложить пять тысяч. Такая сумма у нас была.

Это был остаток денег, которые мы привезли из Украины. Но это была бóльшая их часть. Я боялась отдавать последнее. Я боялась остаться ни с чем – Лешка дорабатывал последние дни, а я жила на стипендию. Но когда нога стала необъятной, а боль нестерпимой, я сдалась. Что было делать? Мы отправились в госпиталь. В кабинет неотложной помощи – emergency.

Туда мы ехали на своей машине. Вызвать «скорую» в Штатах может только бессознательный человек – в прямом или переносном смысле. Дорого. Я была в сознании, и оно меня не подвело: видя, что я не могу даже стоять, в имедженси все же первым делом спросили про страховку. Не знаю, что было бы, если бы ее у меня не оказалось – наверное, дали бы подписать бумаги, что обязуюсь расплатиться по matter what. Во что бы то ни стало. Ну, и подписала бы, конечно. Когда такая боль, еще не то подпишешь. А потом будешь бездомным, как те несчастные, что живут под скамейками в парковом раю.

Пока специальные люди проверяли действительность моих страховочных бумаг, меня переодевали в халат и укладывали в кровать на колесах. Я как будто попала в кино. Инопланетные пришельцы в зеленом. Один вкалывает иглу в вену, другой подключает к аппарату с бегающим пульсом, третий делает обезболивающий укол. Не разрешая ходить, меня везут к еще одному зеленому человеку, сидящему перед монитором. Он долго и молча исследует мои сосуды... Хму-

рять, выходит. Мне никто ничего не говорит.

Через какое-то время в комнату входит доктор. Строго глядя в глаза, произносит:

– Ситуация серьезная. Тромб большой, и он в любой момент может сорваться. Вам нужно оставаться в больнице.

– Но я не могу! – шепчу я, и глаза наполняются слезами. – Я пишу диссертацию... У меня встреча с профессорами... Deadline...

– Это ваш выбор, – поднимая брови, равнодушно отвечает доктор. – Вы можете не оставаться. Но я вас должен предупредить: речь идет о жизни и смерти.

Его взгляд безучастен, а голос спокоен. Ничего личного. Ничего человеческого. Маска лица. Лик бездушия.

Позже я встречала в Америке разных докторов. Среди них были по-настоящему чудесные люди. Но этот первый запомнился. Он стал для меня олицетворением американской страховой медицины – уравновешенной и беспощадной. Я закрываю глаза, чтобы не видеть, и молча плачу. Через какое-то время чувствую: никого в комнате уже нет. Дышать становится легче.

* * *

В палате я не одна. Судя по звукам, за широкой ширмой есть еще один человек, но кто это, я могу только догадываться по кряхтению. Кажется, женщина. Сказать трудно. Вре-

мя от времени за ширму заносят судно, из чего я делаю вывод, что человек там все-таки есть, и этот человек неподвижен. В общем, мне это на руку – палатный туалет полностью мой. Прыгаю туда на одной ноге – ступить на вторую сил нет. Слишком больно.

Время от времени меняющиеся медсестры просят оценить боль по воображаемой десятибалльной шкале.

– Представьте, что максимальная боль – это десять баллов, а минимальная – на единицу. На сколько у вас болит?

– Не знаю, – боюсь ошибиться я. – Наверное, на шесть? На десять – это уже когда совсем перед смертью?

Сестрам мой юмор непонятен, но зато понятна цифра шесть – надо давать обезболивающее. После укола мне становится легче, и тогда я почти что радуюсь своему временному жилищу.

Больничная кровать особенно хороша. Кнопка вызова сестры, регулировка подъема головы и ног, управление телевизором. Наушники, выбор программ... Чем не жизнь? К тому же здесь можно выбирать еду. Вечером приносят длинный список блюд, из которых определяю, что буду есть завтра. Когда заказ привозится на специальном столике в палату, возникает ощущение гостинично-ресторанной фиесты – того, что мы с Лешкой в Америке уже успели хорошо позабыть. Как мне хочется поделиться с ним этим праздником! Но Медведь на горе. Он зарабатывает деньги на то, чтобы оплатить мой больничный банкет.

Из госпиталя меня выписывают через три дня, после того как минует опасность срыва тромба. А первые счета приходят через месяц, под Новый год. К тому моменту я уже почти нормально передвигаюсь, но продолжаю сдавать кровь. Анализы нехитрые, делают в университетской клинике, а потому бесплатны – то есть оплачиваются страховкой автоматически, по каким-то неведомым мне схемам. На мои расспросы о том, во сколько может обойтись трехдневное пребывание в госпитале, работники университетской клиники пожимают плечами, произносят магическое «you never know» – никогда не знаешь – и отводят взгляд.

Пребывание обходится в восемь тысяч: палата – полторы тысячи в день, УЗИ, анализы, медсестры... Перед глазами до сих пор отдельная цифра 1200 – за визит специалиста. Того самого. Выносящего приговор... Наверное, так надо. Врачебная ошибка стоит дорого, и за правильный диагноз нужно платить. Но в висках стучит крамольная мысль: а нужно ли? Разве можно стоимость жизни оценить бумажками? Нет денег – нет жизни? Больше денег – ты больше человек? Мотаю головой, стараясь не заикливаться. Что я могу изменить?

Итак, лично с меня deductible и out of pocket – пять тысяч двести пятьдесят. Глотаю слезы. Пять тысяч. Почти все, что у нас есть. В памяти всплывают доктора моего советского детства. Внимательные лица, склонившиеся над детской кроваткой. Борьба за маленькую, но бесценную жизнь. Как же все это теперь далеко! Мечты и грезы.

Спрашиваю университетскую подругу: что будет, если не заплатить? Ответ и успокаивает, и настораживает одновременно: тюрьмы не будет, но будет суд. Если денег действительно нет, могут отстрочить. Или обязать выплачивать каждый месяц небольшие суммы, которые мне по карману. Все хорошо, кроме... Нарушается история кредита. Credit history, говоря местным языком. На тебя ставится клеймо – неплатежеспособен. Без кредитной истории ни машину купить, ни дом, ни просто снять приличное жилье. Без кредитной истории ты в Америке недочеловек. Плохая история – плохой человек. Хорошая история – человек хороший. Хорошие – к хорошим, плохие – к плохим. Очень плохие – под мосты и лавки.

Мне страшно. Страшно платить, не платить еще страшнее. Что делать? Американская подруга дает дельный совет: звонить в больницу и просить об оплате счета по частям. Если просишь заранее – ты еще не мальчиш-плохиш. Ты ответственный и законопослушный лузер. И тебе дают шанс. Звоню. Объясняю ситуацию: я студентка, живу на стипендию, денег нет. Можно по частям? Можно. На какой срок? Выбор за мной. Главное не ошибиться – взятые обязательства нужно выполнять. Иначе ты аутсайдер, и дальше все по кругу: клеймо неплатежеспособности и социальное днище.

Договариваюсь о рассрочке на год. Надеюсь на чудо: вдруг Лешка снова найдет работу? Но уже тает снег, и с ним тает наша надежда. Вечерами, когда у Лешки выходной, мы гуля-

ем вдоль горной реки, протекающей через Болдер, и подолгу молчим. Еще пару месяцев назад, прогуливаясь мимо милых ресторанчиков в downtown – городском центре Болдера – мы мечтали о том, как когда-нибудь в одном из них обязательно посидим у камина. Теперь мы обходим стороной даунтаун и глушим в себе даже воспоминания о тех каминных мечтах.

Мы молчим, и я поднимаю глаза к небу. Вижу одну звезду. Остальные за тучами. Вот выглянул полумесяц. Вспоминаю: бабушка говорила, что когда одна звезда и месяц, можно загадать мечту. Мечта теперь одна – чтобы Лешка нашел работу. Смотрю на звезду, не отрывая глаз, и они наполняются слезами. Я не знаю, как Лешка видит их в темноте. Иногда мне кажется, что в него вшит датчик, сигнализирующий о том, что со мной что-то не так. Он останавливает меня, обнимает своими медвежачьими лапами и надтреснувшим голосом говорит:

– Белка, пожалуйста, не плачь. Я обещаю – все будет хорошо. Слышишь? Я обещаю.

Я чувствую его боль. Боль ангела, у которого связаны крылья. Боль мужчины, не могущего помочь. Я прижимаюсь к моему Медведю-Мишутке-Мишке, и молитва моя летит к звездам: «Господи, я его так люблю! Сделай так, чтобы у него все получилось! Сделай так, чтобы ушла его боль!» Мы долго стоим обнявшись. Мы погружаемся в болдерскую темноту, но на нашей общей душе светлеет.

Глава 3. Невадское ралли

О том, что Лешке позвонили из Лос-Анджелеса, я узнаю вечером во вторник, придя домой с занятий. Казалось, он потерял рассудок: говорит о происшедшем отстраненно, как будто речь не о нем.

– Они пригласили меня на собеседование в пятницу, но я сказал, что смогу приехать только в понедельник.

– А они?

– Сказали, что перезвонят...

– А почему ты сказал в понедельник?? Почему в понедельник?? Ты что, не понимаешь, что они могут больше никогда не позвонить???

– Я понимаю... Но я же работаю... Мне нужно все обдумать... Мне нужно какое-то время, чтобы собраться с мыслями...

Я смотрю на обезумевшего Лешку и не верю своим ушам. Время? Думать??

– Так. Звони им прямо сейчас. Говори, что в пятницу будешь. Выезжаем на машине завтра. Вдвоем. Я еду с тобой.

Лешка смотрит на меня не мигая. Кажется, он не понимает смысла того, о чем я говорю.

– Леша, очнись! Звони и говори!! Срочно!!! У нас шесть, значит, у них пять. Есть еще шанс дозвониться!

– Белка, мне трудно говорить по телефону. Мне трудно

понимать их английский. Я вообще не уверен, что правильно тебе пересказал...

– Вот заодно и уточнишь!! – уже кричу я. – Давай! Звони!!

Не оставляя места для маневра, тычу аппарат Лешке в руки. «Господи, спасибо! Спасибо, что услышал мои молитвы! Спасибо, что помог глупому человечеству изобрести умные телефоны! Спасибо, что они умеют запоминать номера!!!»

Лешка звонит, а я боюсь слушать. Трусливо спрятавшись в ванной, опускаюсь на пол и, сцепив пальцы рук в молящийся комок, неистово повторяю: «Господи! Господи! Господи!» Мысль о том, что в последний момент Лешка может сдрейфить, подбрасывает меня и швыряет обратно к порогу – туда, где я оставила его и телефон. Вижу Медведя – опершегося спиной о стену, смотрящего в никуда.

– Леш... Леш... Тебе плохо?

Подхожу ближе и вижу, как по его вискам стекает пот.

– Нет. Мне не плохо, – тихо отвечает Мишка. – Меня там ждут в пятницу к десяти утра. Я думаю, что теперь делать.

– Леша, ну ведь это же прекрасно!! Это же то, чего мы так хотели!! Это же мой сон!! Господь посылал нам знак!!! Два лебедя, выход из леса, звезды!! Это же об этом!! У нас все получится, вот увидишь!!! Очнись, Лешка!!! Мы едем!!!! В Калифорнию!! Через Лас-Вегас!! Это же наша мечта!!

Лешка смотрит на меня отстраненно, и я отступаю. Я понимаю его взгляд. Деньги. Деньги. Деньги. На счету чуть больше тех самых пяти тысяч, которые нужно отдать. Что,

если Лос-Анджелес не состоится? Это будет потеря всего: денег, мечты, друг друга. Если Лос-Анджелес не состоится, Лешка улетит прямо оттуда. На Украину, домой. Туда, где есть работа. А я продам машину и останусь дописывать докторскую. Я не брошу ее. Я дотяну. Даже если будет очень больно.

Этот сценарий мы проговаривали много раз. Казалось, мы давно к нему готовы. И вот момент настал. Не поехать – оставить маленькую надежду на чудо. Надежду на то, что работа найдется и в Болдере. Очень маленькую надежду. Потому что в Болдере работы для видеоккомпозитора нет и быть не может. Эта работа есть только там, в Голливуде, а на другие работы – попроще – длинные очереди из своих. Поехать в Лос-Анджелес – поставить на кон все. *Aut vincere aut mori*. Победа или смерть. В нашем случае победа или долгая-долгая жизнь в разлуке.

Лешка смотрит на меня, и я понимаю его молчание. Мы вообще понимаем друг друга. Я подхожу к нему и говорю, обнимая:

– Мишутка, все будет хорошо. Я знаю. Вот увидишь.

Я обнимаю Медведя, и его тепло наполняет меня злостью. Почему мы должны бояться?? Сколько можно бояться?? Надо ехать! Надо рисковать. Надо. Все у нас обязательно получится. Я знаю. Я верю.

Выезжаем в полдень. С утра Лешка едет на гору – вернуть обмундирование и сообщить о том, что больше на работу не

выйдет. Я в это время варю и жарю все, что есть в холодильнике – в дорогу. Слава Богу, в субботу были в Walmart – закупили дешевой еды на неделю. Вспоминая свое детство, проведенное в украинском селе, критически оглядываю свой «тормозок» по-американски, Размышляю о цене модерна. замороженные куро-бедрa, выцветшие желтки, водянистый огурец без намека на овощной привкус. Ах, Жан Бодрийар, как же ты прав! Симулякр. Один сплошной симулякр. Мертвечина с претензией на натуральность.

Складываю продукты в корзинку – память о прошлогодней Пасхе. Первый раз в жизни я пекла пасхальные куличи сама, обпекши руки. Раздобыла рецепт в Интернете и весь день провела с тестом, выстаивая его, вымешивая, распределяя по чашечкам и кастрюлькам. Миксера не была – месила вручную. Когда увидела, что верх куличей пригорает, чуть сама не стала черной. Бросилась резать кружочки из бумажек. Намочив, накрывала ими подгоревшие шапочки из теста – так делала моя бабушка. Вынимала пасочки в салфетки, как детей. Потом пеленала их и укладывала на подушку. Когда закончила, не поверила, что сделала все сама: политые глазурью и присыпанные разноцветными точечками, передо мной красовались миниатюрные пасхальные крепыши!

На сайте русской православной церкви Денвера нашла расписание богослужений. Оказывается, куличи здесь святят перед всенощной, в одиннадцать вечера. В десять выезжаю. Церковь нахожу не сразу, но при подъезде к ней понимаю – я

на правильном пути. За два года жизни в Болдере я впервые увидела, чтобы машины были припаркованы на пешеходных тротуарах. Кажется, все наши – православные Колорадо – съехались к церкви в эту пасхальную ночь.

Захожу на церковный двор. Под навесом много столов, и на них выставляются пасхальные корзинки. Моя явно скромнее других: в ней нет вина и колбас, а только маленькие куличи и крашеные яйца. Зажигаются свечи. Много свечей. Люди делятся спичками и зажигалками, улыбаясь друг другу. Улыбаюсь и я. Праздник.

Выходит батюшка. Обращается к пастве со словом Божиим. Напрягаюсь, услышав: «Жертвуйте деньги на церковь. Деньги с неба не падают!»

Как по мне, звучит двусмысленно. Оглядываюсь на прихожан – они улыбаются по-прежнему светло. Ну, ладно. Проехали. В конце концов, церковники тоже люди. *Errare humanum est*. Человеку свойственно ошибаться. Кладу деньги в общую корзину, радуюсь, попав под брызги святой воды, и ухожу, провожаемая напутствием батюшки: «Вкушать яства и пить вино до окончания всеобщей грех!» Слышу вздох коллективного огорчения. Или мне это кажется? Сама я до утра точно не ем и не пью – не хочу грешить, прося Господа о том, чтобы ко мне приехал Лешка.

Наполняю свою пасхальную корзинку дорожной снедью и думаю, как все не случайно. Пасха, корзинка, сон... Думая о нем, снова радуюсь: у нас все получится. Все. Улыбаясь,

собираю летние вещи. Калифорния же.

* * *

По расчетам поисковика до Лас-Вегаса – места нашей ночевки – одиннадцать часов езды. Навигатора у нас нет, поэтому все карты проезда прокладываем и распечатываем дома. Выезжать в полдень поздновато, но другого выхода нет. Радует, что горы проедем днем. Дальше пустыня. Наверное, там будет не так тяжело ехать. Святая наивность! Мы не думаем о том, что не очень-то приучены к дальним путешествиям за рулем. Не понимаем, что дороги через пустыню не всегда прямые и ровные. Что «Виба» – наша старушка на колесах – не очень-то скоростная штучка, и что она не любит ни быстрые трассы, ни крутые горные подъемы.

Страшно мне становится сразу. На семидесятую магистраль, ведущую на Запад, мы едем по наикратчайшему пути, нарисованному поисковиком. На мониторе ноутбука этот путь выглядит значительно прямее. На самом же деле он оказывается извилистым горным маршрутом, пролегающим вдоль обрывистой реки. Один неуклюжий поворот, и мы уже там, внизу. От этой жуткой мысли постоянно торможу. За нами скапливается дюжина машин, и это только добавляет отчаянья. Спасибо, водители в Колорадо не гудят на неумех. Но мне это и не нужно. Я умею гудеть на себя сама, громко обзывая себя идиоткой, крепко впиваясь в руль. Когда, нако-

нец, появляется возможность остановиться, Лешка говорит:
– Или ты берешь себя в руки, или мы возвращаемся. Так ехать нельзя.

Я передаю Лешке руль и твердо беру себя в руки. Но крепости моих нервов хватает ровно на световой день.

За спиной остается Колорадо и восемь часов езды вместо рассчитанных шести. По нашим подсчетам, до Лас-Вегаса часов пять. Оставляя горы позади, надеемся, что дальше будет легче. Но наступает ночь, и нас окружают фуры. Несущиеся со скоростью сто тридцать километров в час – разрешенная скорость на пятнадцатой магистрали – эти гиганты ослепляют не только украшенными фонарями мордами, но и сверкающими боками. Летящие огни. Гудящие огни. Дезориентирующие и сводящие с ума. Слева и справа. Вверху и внизу. Задача удержаться на повороте и не въехать в одного из этих сверкающих монстров.

Поворот за поворотом. Невадское ралли. Я скулю и закрываю глаза руками. Причитаю и молю Бога пощадить нас. Воплю и чертыхаюсь... Лешка молча терпит. Впившись руками в руль, прокладывает путь на Запад. Как первопроходец, окруженный индейцами. На этом отрезке нашего большого пути я – насадка, вырванная из домашнего гнезда. Реву в кибитке, отдаваясь на волю Провидения и Кормильца.

Лешка на меня очень сердит. Я понимаю это, когда мы съезжаем с магистрали заправиться и выпить кофе. Остановив мотор, он молча уходит внутрь строения, оставляя меня

всхлипывать и приходить в себя.

– Ну? – спрашивает с нажимом, вернувшись и подавая мне кофейный стаканчик. – Ночуем здесь?

– А... Лас-Вегас? – шмыгая носом, лепечу в ответ.

– Белка, так нельзя ехать. Это очень опасно. Ты кричишь, и я не знаю, как реагировать. Одно неправильное движение...

Я молчу. Я понимаю, что Лешка прав. Но что я могу сделать? Только виновато сопеть и ковырять пальцем в откуда ни возьмись взявшейся дыре между машинной обивкой и дверью.

– Ладно, поехали. Я не буду больше, – насупившись, произношу я, и впервые с наступление ночи мои глаза встречаются с глазами Лешки. Поймав мой виноватый взгляд, он тут же добреет.

– Белочка, мы доедем, – усаживаясь передо мной на корточки, ласково уговаривает он. – Просто постарайся мне не мешать, ладно?

Лешка берет мои беличьи лапки и целует их. Я вздыхаю и опускаю голову на его медвежью башку. Ах, Лешка, Лешка. Я вообще могу остаться здесь, посреди пустыни, Лишь бы ты доехал.

– Хочешь? – отрывая от него голову, я с деланной покорностью заглядываю Лешке в глаза.

– Жулик! – восхищается он.

Мы оба смеемся. На щеках моих высыхают слезы.

Какое-то время едем молча. Сначала я изо всех сил стараюсь не издавать ни звука, потом потребность в насилии над собой отпадает сама собой. Дорога выравнивается. Жуткий участок с бесконечными поворотами остается позади, и есть время осмотреться.

– Лешка, Лешка, смотри!!! – кричу, я, тыкая пальцем в небо. На небе звезды. Они огромные, как в моем сне. Никогда раньше я не видела таких гигантских звезд. Позже я узнаю, что в пустыне они как раз и бывают таких размеров. Но сейчас мне это кажется чудом – очередным чудом нашей большой дороги в Голливуд. Как замороженная я не отвожу взгляда со звездных фигур, пытаюсь найти среди них моих длинношеих птичек. Мешает Вегас. По мере приближения к нему звезды стремительно выцветают, и небо на глазах становится блеклым. Столица Невады приветствует искусственным блеском, грандиозность которого затмевает божественный небосвод.

Глава 4. Огни Вегаса

На подъезде к Лас-Вегасу останавливаемся – надо поменяться местами. Для езды по городским магистралям, когда нужно быстро прыгать из линии в линию и перестраиваться на выезд, я гожусь лучше. Реакция быстрее. Пока Лешка два раза отмерит, мы можем не успеть вписаться в нужный поворот. Лешка же лучше оперирует как штурман. Разложив распечаток нашего маршрута на коленях, командует: третий по счету выезд наш. Сахара-авеню.

– Сначала повернешь направо, на развилке займешь левый ряд. Повернешь налево. Переедешь через магистраль...

– Леша!!! Не спеши!!! Дай сначала повернуть!!! – в ужасе кричу я, подхваченная неистовым потоком лас-вегасской ночной жизни. Сомневаюсь, что кто-то из окружающих нас джигитов абсолютно трезв, и это пугает еще больше. Так, выезд на Сахару. Вижу. Уже скоро. Сначала Грэгсон-хайвей, потом наш. Перестраиваюсь вправо. Еще. Черт! – вот он, почти уже наш съезд, а вдруг прямо передо мной как из-под земли выскакивают новые полосы, которые еще нужно успеть перепрыгнуть.

– Перестраивайся! Перестраивайся! – кричит Лешка, и я стараюсь изо всех сил. Эх, добавить бы «Вибе» немножко мощности! Давлю на газ, подрезаю слева, прыгаю через ряд. Фух, успела.

Е-мое, да кто ж придумал эти эстакады!!! Горная дорога Колорадо уже не кажется страшной. Не снижая скорости, держу руль круто вправо. Чертова спираль. Я в неиссякаемом потоке. Водилы выжимают газ. Перед глазами у каждого воображаемый джек-пот. Изю всех сил стараюсь держать их ритм. Развилка.

– Налево, налево! – орет Лешка. – Теперь направо! За магистралью направо!!

– Почему ты не сказал мне об этом раньше?? – визжу в ответ, прыгая вправо прямо перед мордой какого-то лимузина. Еще прыжок. Поворот. Стоп. Мы на месте. Переводим дух.

Гостиницу мы заказали вечером накануне отъезда. Критерий выбора был прост: центральная улица Вегаса Strip и дешевизна. В смысле второго наш отель вне конкуренции. В смысле первого до самых популярных в Вегасе мест пешком идти минут двадцать. Но оказалось, что дешевизна проживания объяснялась вовсе не отдаленностью от центральных фонтанов.

Припарковав машину на огромной многоэтажной стоянке, заходим внутрь. Разглядеть что-то трудно. Гостиничный холл окутан густым сигаретным дымом. Дымят, кажется, все: бабушки, дедушки, их дети и внуки. Большинство этих дымных фигур богатырских размеров и не отличаются опрятностью одежд. Сомневаться не приходится – мы на социальном дне Стрипа.

Присев в стороне на наши сумки, с усталым любопыт-

ством наблюдаю за Лешкой, пристроившимся к хвосту длинной очереди желающих поселиться. Измученный дорогой, в спортивных шортах и неизменной кепке, прикрывающей его раннюю лысину, интеллигентного вида Медведь сильно выделяется среди прокуренной толпы, жаждущей сыграть с судьбой в рулетку. Как почтенного бюргера, случайно зашедшего не в ту дверь, его встречает непонимающий взгляд большого черного человека. «Your reservation???» «Ваша брбнь???»

Направляемся в «башню №...» Где-то в ее лабиринтах расположена наша берлога. Дорога пролегает через задымленные игровые залы. Расчет понятен, но не на того медведя силок. Лешка мрачнеет и набирает ход. Ему явно не по душе это задымленное царство тьмы. Я семеню следом, ворочая головой. Пытаюсь разглядеть лица тех, кто отчаянно борется за иллюзорное лас-вегасское счастье. Меня завораживает их дешевая, но неподдельная страсть. Мне интересно.

Борьба за право войти в номер. Пластиковый ключ не открывает дверь. Снова поход через дым – обратно на выход. Чтобы сообщить о неполадке, нам нужно заново отстоять в толпе. Других вариантов, похоже, нет – проход к ресепшен перегорожен веревками. Очередь огромна, и я начинаю закипать. Понимая, что с интеллигентного Лешки толку нет – порядочно и обреченно он снова приклеивается к хвосту – иду напролом.

Перешагиваю через веревки, игнорируя шипение дисци-

плинированных американцев. Сообщаю о неполадке, отодвинув в сторону старушку в звездно-патриотической панамке. Пораженный моим напором и академическим английским, работник ресепшен вызывает штатного медвежатника, и сбитой колонной мы движемся назад – через прокуренные залы к месту нашего предполагаемого ночлега. Лешка в арьергарде. Его силы сходят на нет.

Борьба за право постельной ночи в задымленном царстве тьмы завершается капитуляцией ада. Добро побеждает, номер взят, и он наш. Заходим. Огромная кровать, принимающая падающее тело Лешки. Он даже не идет в душ.

– Как? – пытаюсь протестовать я. – А как же Стрип?? Как же ночной Лас-Вегас?? Мы же так хотели его увидеть!! Леш...

Я снижаю уровень требований и подхожу к кровати. Слышу «сейчас» от проваливающегося в спячку Мишки и понимаю – я осталась одна.

Одиночество – не то, что меня может испугать. Я, конечно, тоже устала, но когда еще я увижу ночной Вегас? Решительно распахнув сумку с вещами, на ощупь ищу летний сарафан и напяливаю его на свое закоченевшее в машине тело. Тело растекается по легкой одежде, и ему становится веселей. Кое-как причесавшись, выскальзываю в полумрак коридора, и он радостно зажигается, приветствуя меня. Мне нравится это лас-вегасское кокетство.

Вот он, Стрип! Напротив сверкают «Сахара» и «Хилтон»,

налево – огромная башня «Стратосферы». Красиво! Но все еще не то. Хочу огни Белладджио! Хочу Сизар-Палас, Палас Имperiал! Хочу, хочу, хочу!! Хочу сказки! Хочу радости! Хочу веселья!!! Одурманенная разноцветным отсутствием ночи, решительно поворачиваю направо – по направлению наибольшего скопления огней. Ошибиться невозможно – лас-вегасская сказка там, и идти до нее минут двадцать. Прохожу одну пятую пути и понимаю, что дорога к фонтанам Белладджио не усыпана розами.

Слева через дорогу огромный алкогольный магазин – liquorstore. Справа стройка. Чуть в стороне, за легким строительным забором, верзила в цепях что-то эмоционально внушает растрепанной девице. Присев на корточки, она, кажется, плачет. Рядом лужица. Похоже, кровь. Я притормаживаю. Притормаживает и верзила. Пробиваясь сквозь изуродованный наколками фэйс, его взгляд спотыкается о мою придурковатую улыбку. Ею, по привычке университетского выкорымыша, я одариваю все человечество без разбора. Рычание застревает в глотке великана, и из нее вываливается окольцованный железом язык. Наверное, так замирают злобные и хищные инопланетяне при виде глупцов-землян. Все как в кино, только мы не актеры. Я посреди пустыря на северном Стрипе, и на глазах у меня разворачивался криминальный сюжет.

Наверное, я должна броситься бежать. Но кто-то командует: этого делать не нужно. Взяв меня за ухо, этот «кто-

то» волочет мое безвольное тело вперед, мимо Reality Vegas Show. Душа взлетает, продолжая следить за сюжетом с высоты ангельского крыла. Ведомое невидимой для верзилы силой, мое тело продолжает прокладывать путь, изумляя наглостью показного бесстрашия. Степень нарастания эмоции определяет медленно распахивающийся рот гиганта. К моменту, когда я доволакиваюсь до перекрестка, пасть великана раззевается так широко, что девица легко может просунуть в нее свою голову и растерзать мучителя изнутри. Но девица деморализована, и верзила успевает сомкнуть челюсть до того, как ее посетит хоть какая-то освободительная идея. Лязг великанских зубов возвращает мою душу в тело. Получив ангельский подзатыльник, оно бросается бежать на другую сторону Стрипа – к переливающимся огнями и красками лас-вегасскому ликерс-стор – ликероводочному парадизу.

Понимая, что это единственное, чем я еще могу украсить безнадежно изуродованную ночь, несусь к порогу. От проезжей части парковки его отделяют невысокие цементные плиты – чтобы какой-нибудь пьяный идиот не въехал в витрину своим расплавленным от алкоголя мозгом. В это время из всех лас-вегасских идиотов на парковке, похоже, я одна. На ускорении, задыхаясь от перевозбуждения от пережитого, я спотыкаюсь о заградительную плиту, лечу головой в мусорный бак, опрокидываю его на витрину, успеваю увидеть изумленное лицо магазинного попрошайки, и, тормозя ла-

донями по асфальту, вхожу в игру своего школьного детства «Я – Луноход 1»...

Кажется, я жую витринное стекло. Сплюываю. Нет, витрина на месте. Наверное, кусочек зуба. Поднимаю глаза к небу. «Ну, зачем? Всего-то бутылочка вина...» Под веселый ангельский смешок меня окружают местные алкаши и алкашки. Как тараканы, они выползают из всевозможных щелей и организовываются в плотное сочувствующее колечко. Кто-то сует салфетки, кто-то протягивает водичку, кто-то пытается поднять, подставив нетвердое мужское плечо. Как можно более радостно улыбаясь человечности ликероводочных коллег, но твердо мотаю «нет-нет-нет» в ответ на предложения о продолжении дружбы.

Встреча с полицейскими неизбежна. На велосипедах, они появляются быстрее, чем я могу унести свои конечности, ушибленные об алкогольную мечту. К моменту их приезда меня уже успевают усадить на лавчонку, всунуть в руки бутылку с водой, и поместить под неусыпный надзор менеджеров торговой точки. В их опрятных улыбках читается тревога – а вдруг я террорист, и моя голова начинена взрывчаткой? Не каждый день витрину магазина таранят прохожие без автомобильных колес.

Разговор с полицейским длится недолго. Кто? Что? Откуда и куда? Продолжая улыбаться губами, распухающими от мусорного поцелуя, рассказываю. Я – студент докторантуры, университет Колорадо, еду в Лос-Анджелес. Сама? Нет.

Муж спит в отеле... Захотелось прогуляться... Вот, заскочила в магазинчик...

Если лас-вегасского полицейского что и может удивить, то только трезвость того, кто несет чушь. Оставила мужа в отеле? Прогуляться по окраине Стрипа одна? Я трезва, и в этом они не видят нужды сомневаться. Скорее, переусердствовала с учебой – такой приговор я читаю в их глазах. Но, слава Богу, они не доктора. Предложив вызвать мне такси и услышав решительное «No!», полисо-педы неодобрительно качают головой, но все же оставляют меня в покое. Пожелав напоследок приятного отдыха в Лас-Вегасе и счастливой дороги на Голливуд.

Да уж, приятный отдых. Как старая боевая лошадь, хромаю в конюшню, издавая горестные хрипы. Лас-Вегас по-прежнему в огнях, но они меня больше не зажигают. Звездочки в голове складываются в одну связную вопросительную мысль – что я буду рассказывать Лешке?

В гостиницу вхожу без победных фанфар. Смотрю строго под ноги, пытаюсь избежать взглядов. Порванный сарафанчик, разбитое колено, подпухшая губа – так, наверное, и должна выглядеть бабочка, обжегшаяся праздничным фейерверком.

Обвожу взглядом прокуренный зал. Игроков в нем осталось немного, и радостных лиц среди них нет вообще. Рассвет отбирает мечту, возвращая сознание в уныние будней. Утро – не время дерзких ставок и блистательных побед.

Бредя к башенному лифту и размышляя о диалектике света-тьмы, снова наталкиваюсь на винную витрину. Еще один ликерс-стор – «о, Вегас, ты неутомим!» Минуя преграды, направляюсь к стойке. В конце концов, какое кому дело до моей распухшей губы? В кошельке у меня по-прежнему теплится неизрасходованный кредит, и по стандартам Лас-Вегаса я еще очень далека от дна, на которое уже погрузились застывшие у автоматов тени-люди.

Осторожно открываю номер. Удивительно – ключ все еще со мной! Лешка спит. Представляю, как можно было бы заверещать, если бы все это происходило в голливудском фильме:

– Пока ты тут безмятежно дрыхнешь, твою жену чуть дважды не убили и один раз не ограбили!

Можно было бы еще запустить бутылочкой вина, чуть-чуть мимо головы заспавшегося супруга. Для эффекта. Представляю, как Мишка медленно бы поднял свою башку, медленно-медленно надел очки, медленно-медленно на меня посмотрел, щурясь, а потом медленно произнес: «Дорогая, ты же только что была рядом!»

Хихикаю своей незатейливой придумке. Ничем я, конечно, швыряться не собираюсь, а тем более вином. Его лучше использовать для отвоевывая у надвигающегося утра кусочка волшебной ночи.

Шторы плотно закрыты, и зарождающийся свет не имеет шанса проникнуть в мое царство мечтаний. Сажусь на

пол, опираюсь спиной о стену. Нащупывая в сумке штопор, привычно вонзаю его в пробку. Ббик – вход в волшебную потусторонность откупорен, и я блаженно просачиваюсь внутрь...

Внутри тепло и беззаботно. Там будущее и прошлое вместе. Там я. Большая и маленькая. Дурашливая и умная. Добрая и злая. Все в одном. Там не нужно притворяться, меняя маски. Там я такая, какая я есть – сумасбродная и свободная. Невыдуманная и странная. Реальная нереальная я.

Вижу себя крошечной малышкой на руках у папы. Рассказывая меня вправо-влево и подкидывая вверх-вниз, он хохочет, радуясь моему детскому восторгу. Папины сильные руки подбрасывают меня в африканскую высь, и я вижу оттуда – из-под синих небес Мозамбика – мою красивую маму, бегущую по саванне навстречу моим восторженным воплям. «Ренато, осторожно! Не урони!!» – слышу ее встревоженный крик. «Не бойся, дорогая! – кричит папа, несясь навстречу любимой и с разбегу принимая ее в наш маленький, но крепкий союз. – Не бойся! Жена революционера не может трусить! Она должна смело смотреть вперед, в прекрасное будущее человечества!» Прижимая маму к себе, папа объятиями пытается задушить страх, перенесшейся в африканский мир леди. Мамины русые волосы путаются в черных кудрях отца, и небо уже не видится мне монотонно синим – я смотрю на него сквозь разноцветные пряди родительских волос. Обласканная и защекоченная ими, смеюсь. Беззубо и счаст-

ливо.

А потом небо взрывается багряно-красным. Вижу мечущихся в огне людей, слышу выстрелы и крики. Пытаюсь вырваться из огненного плена, зову: «Мама!! Папа!!!» Я кричу и кричу, но ни папа, ни мама не приходят мне на помощь. Чужие руки подхватывают меня, чужие запахи наполняют меня тошнотой... Я замолкаю и погружаюсь в темноту...

– Бабушка, где моя мама? Где папа? Почему их нет здесь, с нами? Почему они остались в Мозамбике? Ты обещала, что они вернуться, а их все нет и нет!

Я сижу в своей детской кроватке бабушкиной квартиры, и по щекам моим катятся горькие слезы. Меня снова разбудил мой мозамбикский кошмар. Я снова кричала, пытаюсь выбраться из огня. А вокруг кружился пепел и извивались в огненном танце люди...

Бабашка целует мои перепутанные волосы, и лихорадка, трясущая меня, отступает.

– Мама с папой обязательно вернуться, – шепчет бабуля, обнимая меня. – Вот сделают жизнь в Мозамбике лучше и обязательно вернуться. Твой папа – герой. Он борется за счастье людей...

Под бабулины хорошие рассказы я засыпаю. И мне снова снится Африка – но уже другая. Синее небо, пальмы, розовые деревья, много нарядных и счастливых людей. И среди них мои мама и папа, одетые в яркие африканские одежды. Они очень любят друг друга и очень любят меня. Мы снова

все вместе. И я снова счастливо смеюсь...

* * *

– Белка, Бельчонок, Белка! Пора просыпаться! Девять утра!! Проснись!

В комнате по-прежнему темно, я лежу на кровати, а Лешка склоняет надо мной, подпирая голову локтем. Открывать глаза страшно не хочется, но если этого не сделать, то Медведь начнет первым протаптывать дорогу к ванной и первым обнаружит опустошенный винный сосуд...

– Привет!

Жмурясь, приоткрываю глаз и изо всех сил вылепливаю улыбку. Лешка улыбается в ответ.

– Мы что, не раздевались? Так и завалились спать?

– Вы – да. Но мы... – Я подползаю к Лешке поближе, заглядываю ему в глаза снизу вверх и ласково сообщаю: – Мы гуляли по Стрипу!!

– Как это... гуляли? – Лешка отодвигается от моей головы. – Что значит гуляли?? Ты гуляла по Стрипу одна??

Голос его угрожающе скрипит, и я моментально устаю от предстоящей схватки. Началось... Утро Лас-Вегаса. У меня раскалывается голова, губа и колено ноют, душа требует сна, а Лешка скандалит.

– Ну, Медведь, – хнычу я. – Что мне оставалось делать? Ты уснул, а я хотела посмотреть Стрип.

– Белка! Но это же окраина Лас-Вегаса! Дешевый отель! Ты в своем уме? А если бы что-то случилось??

– Ну, не случилось же...

Спотыкаюсь на полуслове, вспомнив странную ночь, но, отмахнувшись от видений, повторяю: «Не случилось же!!»

Лешка сопит, всем видом протестуя. Я – нехороший человек. Понятно. Ну да. Действительно, могло случиться. Но не случилось же!!

Опустошенная надвигающейся неизбежностью, отворачиваюсь к стене и пытаюсь сосредоточиться на бутылке. Где? Где она? Сейчас он встанет и ее найдет... Опасность еще можно избежать, но голова противится следственным экспериментам. А, пусть находит! Чего я должна прятаться?? Пусть находит! Что я такого сделала? Подумаешь, вино! Не водка же! Лешка отрывается от постели, и вместе с ним от меня уходит сон. Становится безнадежно тоскливо... Сейчас он впустит солнечный свет...

Комната наполняется золотистой желтизной, и я вижу сквозь щелки глаз, как на этом желтом фоне лицо Медведя багровеет. Неистовость его взгляда упирается вглубь комнаты, на пол. Там увядает костер моих ночных страстей: обгорелым поленом валяется недопитая бутылка; пеплом кукурузных чипсов присыпан ворс несвежего ковра... Как по углам, Лешка тяжело проходит к ванной и прячет в ней свою неожиданную боль.

Я знаю Медведя. Умытый и унылый, он скоро появится и

начнет меня терзать, взывая к рассудку. Будет говорить, что так нельзя. Что он знает, чем может закончиться мое одинокое пьянство, что у меня подвижная психика, что он любит меня больше всего на свете и никогда не простит себе, если со мной что-то случится... Все это я слышу уже три года, и каждый раз не могу слышать с новой страстью. Да, я люблю выпить вина. Люблю забыться. Люблю помечтать о другой жизни – хорошей и счастливой для всех людей. «А если ты любишь меня, то люби такой, какая я есть!!» Я вышвыриваю себя с кровати и, прихрамывая, прокладываю к ванной тропу войны. Нет, все-таки надо было его огреть по голове ночью!

Схватив бутылку с пола, вливаю в себя ее остатки и со злостью швыряю опустошенный сосуд в мусорное ведро. Опустившись на ковер, нервно собираю чипсовые крошки. Крошка к крошке... Рядочек к рядочку... Стеночка к стеночке... Появляется маленький домик. Наш с Лешкой домик. А крышка от бутылки – наш «Наутилус» – летатель-но-водный аппарат. На нем мы может подниматься в горы и опускаться в океан. Пересекать пустыни и зарываться в пески... Растворенная в выдумке, с улыбкой тянусь навстречу выходящему из банного пара Лешке и тут же опрокидываюсь назад, сбитая мощью звуковой волны:

– Белка!! Что у тебя с лицом??

Охнув от треска в колене, вскакиваю и бросаюсь к зеркалу. Епппи-и-инн!!

Я закрываю себя в ванной, присаживаюсь на край ванны и обхватываю голову руками. Нужно собраться. Прийти в себя. Ты без году доктор наук, дорогая. Доктор наук с расквашенной губой. Куда тебя несет? Боже, как перед Лешкой стыдно... Я выпрямляюсь, подхожу к зеркалу вплотную, внимательно смотрю себе в глаза. Мое провинившееся «я» не выносит этого визуального допроса. «Хватит!» – требует оно, и глаза послушно захлопывают кричащие чувства...

Обновленная, выхожу на порог, спокойно и холодно говорю Лешке:

– Не переживай. Ничего не произошло. Я просто упала. Споткнулась. Больше ничего. Потом, чтобы успокоиться, купила бутылку. Пила в номере. Ты спал... Все, проехали и забыли. Давай завтракать.

Достаю из холодильника еду, засунутую туда перед ночным гуляньем, выкладываю на стол. Лешка не ест. Мне тоже ничего не лезет в горло. Посидев минут пять в тишине, укладываю все обратно в сумку, собираю разбросанные по комнате вещи и снова скрываюсь в ванной – чтобы снять, наконец, растерзанный сарафан. Натянув шорты и майку, выдвигаюсь. Насупленный Лешка выволакивается с сумками вслед за мной.

Из гостиницы выходим молча. Не глядя, проходим мимо новой партии оптимистов, атакующих игральные островки. Садимся в машину. Лешка за рулем. Меня никто ни о чем не спрашивает. Ну и слава Богу. Вот хорошо бы только про-

ехать через центр! Хоть краешком глаза на Белладжио взглянуть... Когда еще доведется попасть в Лас-Вегас? Озвучивать свое желание не решаюсь. Лешка не в духе – не хочу усугублять.

Но Лешка и сам не сворачивает на магистраль. Выруливает «Вибулю» к центру, и я понимаю, что делает он это ради меня. Осторожно скашиваю глаза, пытаюсь разглядеть настроение Медведя. Он сосредоточен. Толпы людей. Тысячи. И все норовят прыгнуть под машину. Разных людей. Черных и белых, веселых и злых, богатых и бедных, удачливых и не очень. Объединенных чем-то одним... Чем? Всматриваюсь в проплывающие мимо нас лица. Американцы... Вроде те же, обычные, к которым мы уже привыкли. Но нет, совсем не они! Не те, кого я знаю по университету. Не те, с кем работал Лешка на горе... «Они нереальны!» – догадаюсь я. Это ведь не их настоящая жизнь. Все настоящее оставлено в Кентукки и Айове, Колорадо и Вайоминге, Орегоне и Миннесоте... Здесь только вымышленные страсти... Только тени реальных людей...

Крыши отелей украшают каменные изваяния каких-то мифических идолов, и они только усугубляют ощущение дьявольского зазеркалья. Его объятья душат меня. Почти задышавшись, я снова кошусь на Лешку. По лицу его стекает пот, и я понимаю, что он чувствует то же. Добавляю холодного воздуха из кондиционера и тихо говорю:

– Ладно, Леш, сворачивай. Мне уже хватит. Поехали на

хайвей.

Впереди пять часов пустыни. Нужно заправиться и выпить кофе. Съезжаем к ближайшей «Хлое» – так мы называем сеть популярных американских кофеен из-за их – судя по логотипу – ирландских корней. От Лас-Вегаса нас отделяют минут пятнадцать. В холле заправочного центра еще стоят игральные автоматы, но дышать уже значительно легче. Пьем кофе, обсуждая трассу – нигде до этого мы не видели такого количества мигающих полицейских машин. На выезде из Лас-Вегаса хлопают всех джигитов, не успевающих протрезвиться. Судя по количеству воющих сирен, их немало. Многие из торопыг в надежном седле: то и дело нас обгоняют разноцветные «Ламборджини» и «Феррари». Сомнений нет: мы на верном пути. Впереди ЛА.

Опустошенные лас-вегасским потрясением, едем молча. Указатель направо – Долина Смерти. Удивляюсь. А что, вокруг бурлит жизнь? Вслух рассуждаю:

– Если местность, окруженная пустынями, зовется Долиной Смерти, то, наверное, выжить там, действительно, шансов нет.

Позже мы узнаем, что название это долине дали первопроходцы, прокладывающие путь в Калифорнию. Не в состоянии преодолеть вторую горную гряду, они вынуждены были зимовать в долине. На самом деле не вышел оттуда по весне только один из переселенцев – остальные остались живы. Но страх того, что зимовка станет их могилой, отпечатался в на-

звании местности на века. Говорят, выходя из ловушки, один из авантюристов произнес: «До свидания, Долина Смерти!» Так и пошло...

Глава 5. Бог ЛА

С двумя остановками на туалетно-кофейный «перекур», к Лос-Анджелесу подъезжаем часа в четыре. На подъезде снова делаем остановку. Последняя стоянка перед финальным броском. Нужно изучить карту – впереди три лос-анджелесские магистрали. Важно не проехать повороты. Выписываем номера съездов с хайвеев и прикидываем, сколько ехать по каждому из них. В гостинице надеемся быть не позже семи. Чтобы снова не попасть в окружение к сверкающим фурам.

За рулем я. С трудом прорываюсь в машинный поток – в Калифорнии не принято уступать полосу для въезда. Протискиваюсь в средний ряд. Здесь поспокойнее, но ухо нужно держать остро – подрез не считается подрезом. Вцепившись в руль, стараюсь держаться в местном ритме.

Дорога тянется в гору. Забравшись на самый верх, видим ЛА, ангельский город. Сердце из небоскребов и магистральные сосуды, качающие в него человеческую кровь. Мы – капля нескончаемого человеко-машинного потока, несущегося свои жертвенные дары богу ЛА. Божество нежится в лучах солнца, свет которого выедаёт глаза. По моему лицу стекают слезы...

Еще полчаса езды, и небоскребы остаются слева – наш путь лежит в Сильмар. Там, в одном из пригородов ЛА, населенного южанами – мигрантами из южных стран – нас ждет

дешевенький мотель. Его служителям еще предстоит удивиться – не каждый день у них останавливаются европеиды с академическими синяками вместо глаз. Но туда еще нужно попасть. По карте все выглядит просто – один хайвей упирается в другой, и в этом месте нам нужно повернуть налево. Карта показывает «на восток».

О приближении развилки знаки предупреждают заранее. Только ни о каком Востоке эти знаки не повествуют. Есть Юг и есть Север. Востока нет.

– Где Восток?? – иступленно ору я. – Нет Востока!!!!
Лешка, куддда-а-а?????

Боковым зрением вижу, как у Лешки выпучиваются глаза и медленно приоткрываются челюстные кости, но, кроме неуместного интеллигентного кряхтения, никакой полезной информации он не выдает. Мое требовательное «куда-а-а-а?» перерастает в безвольное «А-А-А-А-А!», и с этим отчаянным воплем я неистово торможу у самого разветвления магистрали. «Вибуля» подпрыгивает дважды: сначала от визга собственных тормозов, потом от накрывающего нас полногабаритного гула.

– Еппи-нн! – визжу я, перекидывая ногу с тормоза на газ. Успеваю уйти от несущейся на нас сзади фуры, кинув «Вибу» мордой в каменный забор. Еще раз тормоз, «Вибин» возмущенный визг, фурин возмущенный гул, Лешкин возмущенный вопль «Белка-а-а-а!!!!»... И тишина. Тишина и блаженство. Остров безмятежности в океане есть...

– Белка! Белочка! Белка!

Прихожу в чувства. Моя дверь открыта, и в ее отверстии я вижу Лешку, склонившегося над моим потерянным во времени и пространстве телом.

– Что с машиной? – пытаюсь подняться. – Леша! Что с машиной?? Мы ехать можем?? – повторяю, приходя в себя.

– С машиной? – теряется Медведь. – С машиной не знаю... Ты как?

Страшный сон нищего переселенца – застрять в каком-то дерьме в двух шагах от парадиза. Отодвигаю Медведя, выбираюсь наружу. Оглядываюсь. Не доверяя своим глазам, ищу поддержки:

– Так ведь... Нет вроде ничего? – боюсь ошибиться. – В порядке все?

Лешка подходит ко мне, и я понимаю, что он осматривает «Вибу» впервые. До этого он осматривал меня.

Мы вместе глазеем на машину и вместе боимся поверить – от каменного забора, разгораживающего южную и северную части магистрали, ее нос отделяют ровно два сантиметра. Молча переглядываемся, молча возвращаемся на свои места. Я включаю мотор. Вроде гудит. Смотрю на Лешку: «Поехали?» «Вылазь», – рукой показывает он. Не сопротивляясь, уступаю.

Разобравшись, в какую сторону ехать, выворачиваем на магистраль. Слава Богу, машин на дороге немного – выруем. Налево, еще налево, резко направо, разворот под мо-

стом, проселочная дорога, мотель. В общем, приехали. Остановившись, продолжаем сидеть.

– Как ты? – не поворачивая головы, тихо спрашивает Лешка.

– Да нормально вроде, – отвечаю, уткнувшись взглядом в мотель. – Невероятно... Каких-то два сантиметра и целая жизнь... Ведь все могло быть совсем по-другому...

Поворачиваю голову, смотрю на Медведя.

– Не пойму – я что, отключилась? Без сознания была? От чего? Мы же, слава Богу, ни с чем не столкнулись?

– От нервов, наверное. Тебе ж нельзя волноваться... – вяло отвечает Медведь. Кажется, он все-таки от меня устал...

– Леш, ты чего? – останавливаю его я Лешку на пороге нашего временного жилища, заглядывая в потускневшие медвежьи глаза. – Мы же доехали! Все хорошо же!

– Что хорошо? – отвечает Мишка. – Хорошо будет, когда возьмут на работу...

– Лешка, ну ты всегда так! Ты всегда мне портишь настроение! Всегда!! Все хорошо, так нет – надо испортить! Ну, откуда ты такой нудный взялся??

Терпеть не могу, когда Лешка нагнетает. В такие минуты мне хочется исчезнуть и побыть одной. А потом вернуться – и как ни в чем не бывало. Так я обычно и делаю. Но на этот раз исчезать некуда. Мы в малюсенькой комнатке в каком-то пригородном чистилище на въезде в лос-анджелесский рай, и места хватает только на то, чтобы с трудом разминуться на

тропе в ванную. Отодвигаю штору, проверяю – балкона нет. Да и какой может быть балкон? Это же мотель. Окно выходит во двор – прямо к «Вибиной» морде, пришвартованной у нашего временного жилища.

Пока Лешка перетаскивает в комнату свой стационарный компьютер, беру из машины йоговский коврик и усаживаюсь, скрестив ножки, возле входа у стены. Знаю Лешку – его сейчас лучше не трогать. Пока не выполнит программу, контакт установить не удастся. Оглядываю мотельный двор. Темно и никого не видно. Внутридворовое пространство заставлено машинами, которые, как и наша «Виба», пришвартованы мордами у комнатных дверей. Без излишеств в виде балконов и колоннад, но вполне удобно.

Смотрю на звезды. Вижу Медведиц, Большую и Малую. Вижу Млечный Путь. Не вижу своих Лебедей. Всматриваюсь до боли в глазах, растворяя взгляд в звездах. Нет, не вижу...

– Леша, я хочу кушать, – канючу в темноту. – У нас из еды уже ничего не осталось. Пойдем куда-нибудь? Отпразднуем приезд...

Лешка возникает на пороге – сосредоточенный и серьезный.

– Белка, завтра тяжелый день. Нужно еще проложить маршрут до места, где у меня будет интервью. Надо посмотреть, нельзя ли доехать не по магистралям...

– Нет, ну я все понимаю, конечно, – возмущаюсь я, – но мы же не можем не кушать??

Лешка вздыхает и, оценив риски намечающейся конфронтации, делает обходной маневр:

– Ладно, давай покушаем, но потом мне нужно будет время подготовиться и подумать. А ты будешь отдыхать.

– Ну, и прекрасно, – радуюсь я быстрой капитуляции противника. – Значит, кушаем, покупаем мне винчик, потом ты готовишься к интервью, а я праздную. За двоих.

Подскакиваю с коврика и, повиснув у Мишки на шее, чмокаю его куда попаду: в нос, щеки, губы...

– Белка, прекрати! Какое вино? Завтра такой тяжелый день!

Я сникаю и, показательно потеряв интерес к разговору, шествую в комнату.

– О Господи! Снова... Ну зачем тебе это вино??

– Ты будешь ковыряться в своем компьютере, а я что должна делать?? – мигом реагирую я на обозначившуюся возможность. – Мы проехали такой путь, мы чуть не разбились, и что, даже отпраздновать, как люди, не можем??

– Можем, можем. Купим. Отпразднуем. Ладно, – Мишка машет на меня рукой, а я вытанцовываю африканскую юмбу. Так, как я себе ее представляю.

Ехать в поисках еды долго не приходится. Вывернув из двора мотеля, тут же за поворотом утыкаемся «Вибиним» носом в вывеску одного из сетевых кафе. Странно, что не увидели раньше. На хайвеях их огромные билборды видны издалека – так, чтобы проголодавшийся путник не проехал

голодать дальше. С красными кожаными лавками вокруг вытянутых столов, размещенных в кабинках, эти заведения у меня прочно ассоциируются с фильмами про Дикий Запад, бесстрашных ковбоев, золотоискателей и прочих авантюристов. Вот и сошлось. Бесстрашно промчавшись по долинам смерти и взгорьям мечтаний, два любителя приключений – Лешка и я – добрались наконец до золотых приисков. Дело осталось за малым – нащупать жилу и подставить карманы для самородков.

Скромно поужинав супом и начо, спрашиваем у официанта, где ближайший ликерс-стор. Углубляемся в латиноамериканский квартал, который по мере нашего в него погружения ветшает и темнеет. На улицах ни души, и настроение становится тревожным. Ага, вот он – стор. Как в кино про дорожных бандитов: одинокий продавец, подозрительно оглядывающий чужеземцев. Чем докажете, что вы не Бонни и Клайд? Под пристальным взглядом потомка ацтеков находим на полках мое вино – недорогое, но сносное М. – и, делая вид, что не замечаем неприязни, двигаемся к прилавку. Попытка расплатиться кредиткой пресекается на корню – только cash. Наличные. Обычно мы не пользуемся наличными, но перед дорогой – на всякий случай, «мало ли что?» – Лешка мудро снял денег с банкомата. Расплачиваемся и в абсолютной тишине двигаемся к машине.

Рядом со стором заправка, и Лешка решает залить бензин – утром снова в дорогу. Вставляет шланг в «Вибу», карточку

в колонку. Бензин идет, но очень неторопливо. Капает. Как будто кто-то замедлил бег пленки, на котором прокручивается наше кино. Опершись на машину, Лешка погружается в свои мысли, а я с нарастающим напряжением прислушиваюсь к звукам, надвигающимся на нас из темноты. Звуки рокочущие и, как мне кажется, не предвещающие добра. Так и есть. На заправку въезжает огромный пикап с невероятного размера колесами. Из пикапа вываливается пузатый крепыш с цепями на могучей шее, банданой на голове и наколками на всех частях тела.

«Мигель». Именно так, по моей перепуганной догадке, должны были бы звать этого людоеда. Боясь посмотреть прямо, продолжаю рассматривать чудище из-под ресниц. Вижу огромную руку в рисунках, протянутую к шлангу, вижу разрисованные ногти на ней. Каждый из них длиной с палец, каждый заточен и, как оружие, готов к бою. Чувствуя на себе взгляд обладателя этих грозных боевых единиц, не могу сопротивляться. Как кролик, поднимаю глаза и встречаюсь с его улыбкой. Как и положено для удава, рот его растянут до ушей. «Именно так они и заглатывают жертвы», – догадываюсь я.

– Хай! – машет он мне своей могучей рукой-кувалдой.

– Хай! – машу дрожащей лапкой в ответ.

«Наш мотель – наша крепость», – стучит в висках, пока Лешка заводит мотор. Нервно оглядываюсь. Все вроде в порядке. Никто за нами не идет, ничего подозрительного не

происходит. Отъезжаем.

– Леша, мне очень страшно, – говорю я, продолжая трястись и блокируя на всякий случай дверь. Держа руль левой рукой, Лешка кладет правую руку мне на ладонь и слегка ее сжимает.

– Все хорошо, Белка. Не переживай. Ты просто устала, и тебе мерещатся ужасы.

Я перевожу взгляд на Лешку и смотрю на него с подозрительным любопытством. Интересно, он и правда не понимает, что мы на окраине ЛА – одного из самого криминального города Штатов? Или так хорошо делает вид, что спокоен, чтобы успокоить меня? В любом случае мне действительно становится легче. К тому же вон он – наш мотель. Целую Лешку. Я люблю тебя, дорогой Мишутка. Как же я люблю тебя!

В семь утра он меня тормошит. Не знаю, спал ли он вообще, но выглядит вполне бодро. Умыт, побрит, одет. Сидит на краю кровати и улыбается, как будто не было ни гор, ни магистралей, ни продымленного Вегаса, ни подлой развилки с каменным носом, ни страшного Мигеля у магазина для полуночников-алкашей. Я мутно соображаю: что, уже пора? Который час?

– Давай, Бельчонок, умывайся и по коням. Нам ехать минут двадцать пять, там я нашел «Хлою». Попьем кофе и все проговорим.

Стоя под душем, вспоминаю вечер и поражаюсь Медведю:

и когда он успел все продумать? Лично я ушла из реальности сразу. Как только добралась до кровати. Растворилась в бокале вина и сладких грезах. О! Вспомнила! Мне снилась корова и навоз!

– Лешка! К чему снятся корова и навоз??? – выбрасываюсь из душа, обматываясь на ходу полотенцем.

– Не знаю, наверное, устроюсь работать на ферму, – смеется Медведь, принимая меня в свои лапы. Я растекаюсь по его телу. Стоя на цыпочках, утыкаюсь беличьей мордочкой в медвежью шею. Сладострастно шепчу:

– Леш, а что, уже прям так надо ехать прямо сейчас??

По-киношному соблазнительно улыбаюсь... Лешка решительно отодвигает мое оголенное тело подальше от греха.

– Белка! – грозничает он. – Одевайся!

Ах, вот значит как! Ну, что ж... Я покорна и согласительна. Как боевая подруга, привыкшая подчиняться приказам.

Выезжаем. За рулем я. Таков замысел Лешки. Я должна запомнить дорогу – на случай, если ему придется оставаться на работе, а мне возвращаться в отель. Налево, еще раз налево, выезд на магистраль. Максимальная скорость шестьдесят пять миль в час, но калифорнийским водителям плевать на ограничения. Шестьдесят пять держу только я. Я стою, все бегут. Такие тихони, как я, держатся среднего ряда. Кому надо, обгонит – справа или слева. Вообще-то нас в машине двое, и мы можем ехать в отдельной полосе, самой скоростной – carpool. Придумка тех, кого волнует загрязнение ат-

мосферы. Попытка расчистить дороги от автомобильных колес. Особенно выручает в часы пик, когда магистраль стоит, а ехать надо. Но мы игнорируем эту возможность. Во-первых, пробок нет. Во-вторых, страшно. Полоса реально скоростная, а слева от нее каменный борт. Одно неверное движение... Отгоняю дурную мысль и память о вчерашнем отбойнике.

– Держись левее, – командует Лешка. – Скоро развилка – полосы уйдут вправо, а нам нужно только прямо, на даунтаун.

С моей недоскоростью и «Вибиной» неомощностью влево перестраиваюсь с трудом. В последний момент. Прямо перед тем, как моя полоса улетает куда-то в сторону от нашей вожденной цели. «Фух», – выдыхаю, и тут же слышу новую команду.

– Скоро съезд на сто тридцать четвертый хайвей, на восток. Все время держись крайней правой. Как только въедешь на хайвей, будет наш съезд. Номер 7b.

– Да подожди ты со своим 7b!!!! – ору я, пытаюсь не уехать на Запад. – Восток, Восток, Восток, – повторяю вслух, боясь снова заметаться, как вчера, перед неожиданностью развилки.

Слава Богу, здесь сюрпризов нет. Восток называется Востоком, а не Севером или Южной Флоридой. Крутой разворот, иду почти пешком. Боюсь ударить «Вибулю» о бортик. Сзади сигналият.

– Да пошли вы!! – ору я и нажимаю на газ. Выезд. Нужно разогнаться, но скорости после торможения нет. Машины, подпирившие сзади, уже вырвались на хайвей, а я, деморализованная схваткой, доезжаю до конца разгоночной полосы и останавливаю колеса.

– Белка, ты что? – теряется Лешка.

– Не могу, – с вызовом отвечаю я, нажимая на кнопку аварийки. – Не могу, и все. Мне страшно.

Кладу голову на руль. «Господи, ну пожалуйста, пусть я открою глаза, и нет никаких магистралей...»

– Белка, послушай, здесь нельзя стоять, – как можно более спокойно давит на меня Лешка. – Давай меняться местами.

– Ты не выедешь. Нужна скорость. Или мощный мотор. У нас нет ни того, ни другого.

Я в тумане. Слова идут как будто не из меня... Но Лешка уже открывает мою дверь.

– Вылазь.

Он спокоен и решителен. Я раздавлена и уничтожена. Ненавижу его.

Молча перехожу на другую сторону, молча сажусь, молча пристегиваю ремень. Лешка поправляет зеркала, подстраивает сиденье, выворачивает колеса... Ощущение, как перед запуском «Востока-1» с Гагариным на борту. Должен взлететь. «Поехали!» Лешка немилосердно давит на педаль газа, «Виба» визжит и взлетает. Я закрываю глаза и съезживаюсь, ожидая удара. Секунда-две-три... Полет нормальный.

«Фух», – выдыхаю, открывая глаза, и вижу предупреждение о выезде на Санчес-драйв.

– Лешка, скоро выезд! – кричу, указывая рукой, и столбенею: справа от нас, нечистой силой, будто из-под земли, материализуются новые полосы магистрали. Раз, два, три... Чтобы добраться до нашего выезда, их, как в «Жестоких играх», нужно немедленно перепрыгнуть. Или мы это сделаем, или вылетим к чертовой матери из игры.

– Лешка, вправо! Вправо!!

Снова зажмуриваюсь, ожидая столкновения с астероидами, кометами и прочей космической дрянью. Но, вместо ускорения от их ударов, чувствую торможение, поворот, еще поворот... Открываю глаза и улыбаюсь – от счастья. Мы на Централ-авеню.

Пришвартовавшись на стоянке, Лешка торжествующе чмокает меня в щечку: «Как там наша перепуганная белочка?» Улыбается, гад. Опять обошел на повороте. Уделал. Обижено суплюсь.

– Что, миф о Белке – лучшем в мире Шумахере – развенчан? – не унимается наглючий Медведь.

Дать бы в морду! Отворачиваюсь.

– Ну, ладно-ладно, шучу, – съезжает тот и, обняв мою шею лапой, тянет голову к своим губам. Я смягчаюсь, но не подаю вида.

– Говнисты й ты, Алексей Медведевич! Нет в тебе благородства! Нет великодушия. Одна только медвежья грубость!

– Да уже куда нам, грубым медведям, до симпатичненьких бельчушек! – смеется Лешка, целуя меня в обиженную макушку.

Я отбиваюсь от его звериного нахальства и прокладываю себе путь к кофейному парадизу.

Если денег мало, а хочется кушать, то лучшая еда – bagel. По-нашему бублик. Доллар двадцать пять. Его жарят в тостере и подают с упаковочкой мягкого сыра. Прекрасное утреннее начало для чудесного калифорнийского дня! Усаживаюсь за круглый каменный столик во дворике кафе и снова улыбаюсь от счастья. Ах, эта солнечная Калифорния! Она прекрасна даже если это просто Глендэйл, а не Санта-Барбара или Малибу!

Лешка сидит напротив и тоже сияет. Удивительно – через час собеседование, на кон поставлено буквально все, будущее – туманная неизвестность, а мы лущимся счастьем. «Ну, не придурки?» – ухихикиваюсь я, и только заинтересованные взгляды сидящих неподалеку южан заставляют меня затолкать смешинки вместе с бубликом назад в ротовую полость.

До места Лешкиного интервью ехать минут пять. Железнодорожные пути, какие-то павильоны...

– Это и есть студии, – вслух догадывается Лешка, и в его голосе слышится напряжение. Мое сердце тоже тук-тук. Стучит, застукивая Лешкино напутствие:

– Бельчонок, стой тут. Не знаю, сколько это займет време-

ни, но по-другому не получится. Или стой тут, или едь снова в кафе... Нет, лучше тут.

– Лешенька, дорогой, не волнуйся. Мы делаем все, что в наших силах. Остальное – как Бог даст. Как будет, так будет. Иди. Я тебя очень люблю.

Мы прижимаемся друг к другу лбами. Он выхлопывается из машины, идет к проходной и исчезает за дверью. Еще минуту смотрю на место, где только что было Мишкино тело – вдруг оно материализуется снова? – потом отвожу взгляд и оглядываюсь вокруг. Надо осваиваться.

Глава 6. Золотая рыбка

«Виба» припаркована у большой круглой клумбы. Выйдя из машины, изучаю всевозможные знаки на предмет разрешения здесь стоять. Штраф за неправильную парковку – одно из самых неприятных сюрпризов американского образа бытия. Не успеешь оглянуться – зеленый конвертик с билетиком внутри уже под твоим дворником. Потом хочешь не хочешь, а плати. Иначе будет хуже – вольница не пройдет. Внимательно осмотревшись, успокаиваюсь: мин нет. Зато есть жара. На дворе апрель, всего десять утра, а солнце припекает.

Открывают двери. Достаяю лэптоп. Впервые с момента отъезда из Болдера. Учеба отсюда кажется чем-то нереально далеким, но я борюсь с соблазном расплавиться в калифорнийской неге. Надо работать. Через неделю comprehensive exam – финальный экзамен перед допуском к защите. Открываю файлы по любимой теме – постмодернизм. Забавные ребята. «Объявим войну тотальности!» Жан-Франсуа Лиотар. Так... И чего это он ее объявлял? Читаю. «Философия постмодернизма возникает как реакция на духовный кризис западной современности, нашедшей свое выражение в фашизме и прочих тоталитарных явлениях». Да уж. Нужно было приехать учиться в США, чтобы окончательно убедиться в том, что истоки тоталитаризма не замурованы в

кремлевских стенах. Итак, постмодернизм – бунт против тоталитаризма западных просветительских идеологов. Против всех порабощающих «измов»: и марксизма, и либерализма. Против любой обобщающей тотальности, уничтожающей разность. Против традиции. «Но разве общество возможно без традиции?» – размышляю я, поднимаю глаза от книги, и вздрагиваю, видя крупный план Лешки, нависшего надо мной.

Медведь смотрит на меня и как будто не видит.

– Что? – пугаюсь.

– Я остаюсь до вечера, – произносит он куда-то мимо. Я молчу. В голове Лешке прорабатываются программы, и нужно подождать пока они не выдадут на-гора результат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.